

Зеркало недели – 25 марта 2000

«НАС МОГУТ ВЫРУЧИТЬ СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ»

□ **Дмитрий КИЯНСКИЙ**

Три четверти века — возраст солидный. И не только для человека, но и для научного учреждения. Именно 75 лет исполняется Институту биохимии имени А.Палладина НАН Украины. О том, как он живет в нынешнее нелегкое для нашей науки время, корреспонденту «Зеркала недели» рассказывает директор института-ветерана, академик НАН и АМН, лауреат Государственной премии Украины Сергей КОМИССАРЕНКО.

□ — Наше научное учреждение, — сообщил он, — основано в Харькове Александром Владимировичем Палладиным в 1925 году. Его появление было достаточно скромным. Поначалу, кроме директора, здесь трудились четыре научных сотрудника и несколько человек, представляющих технический персонал. Через шесть лет институт перебазировался в Киев и в 1934 году обосновался в здании на улице Леонтовича, в котором работает и сегодня.

Александр Палладин сочетал талант ученого с недюжинными организаторскими способностями. По главное — он был Личностью, человеком большие страстей, неординарным и ярким. Научные интересы первого директора института охватывали проблемы биохимии мышечной деятельности, витаминов и нервной системы. При этом академик Палладин в течение многих лет занимал руководящие посты в украинской Академии наук. Сначала он был «неодмінним секретарем» (должность, соответствующая нынешнему главному ученому секретарю НАН), затем вице-президентом и, наконец, с 1946 года по 1962-й — президентом.

Как ученый Александр Владимирович сконцентрировал усилия на изучении биохимии нервной системы. Биохимией витаминов занимался академик АН УССР Ростислав Чаговец, а биохимией мышц — член-корреспондент АН СССР и ЛПУ Украины Давил

Фердман. Однако со временем в институте появились и новые направления. Скажем, структуру и функцию белков свертывающей системы крови исследовал академик АН УССР Владимир Белицер, а отдел биологических свойств И биосинтеза белка возглавлял ученик и близкий сподвижник А.Палладина академик АН УССР Максим Гулуй. Естественно, в последние десятилетия научные интересы ученых нашего института вышли далеко за рамки его традиционных и, если можно так выразиться, «фирменных» исследований. К примеру, отдел, которым руковожу я, изучает молекулярную иммунологию, а проще сказать — биохимию иммунитета.

— В день 75-летия нашего института с особым удовольствием поздравлю академика Максима Гулого, которому недавно исполнилось 95 лет. Мы все очень рады, что он продолжает работать. Максим Федотович — один из самых аккуратных сотрудников, — улыбается Сергей Комиссаренко. — Он ежедневно приходит в институт (кроме тех дней, когда на улице скользко). Ученый-ветеран читает лекции и пишет статьи.

— В 40-50-е годы Институт биохимии хорошо знали за рубежом. Какое место он занимает в международной научной табели о рангах сегодня?

— Что и говорить, вопрос вы задали деликатный. Понятно, мне бы очень хотелось сообщить, что в какой-то области биохимии мы являемся лидерами, но, увы, таковыми нас сейчас не считают. Хотя институт и сегодня хорошо известен во многих странах, а высокая репутация его сотрудников ни у кого не вызывает сомнений. Более того, немало их сейчас трудится (временно или, увы, постоянно) в ведущих научных центрах мира. Причем не только наиболее талантливые, но и те, кого в институте считали, скажем так, середняками. Всего же за последние годы за рубеж уехали 40 наших исследователей.

— Такой факт свидетельствует о достаточно высоком научном авторитете. И все же вы как директор, наверное, от этого не в восторге?

— У нас сейчас в дефиците ученые среднего поколения. А ведь именно они должны передать молодежи научную эстафету. Таким образом, нарушается связь поколений.

— Что заставляет кандидатов и докторов наук искать счастье за рубежом? Экономические трудности? Или здесь играет роль и то обстоятельство, что в нынешних

условиях у нас нельзя плодотворно работать?

— Думаю, влияют обе причины. Но больше выталкивают людей за границу нищета и отсутствие перспективы. А в результате, как ни больно об этом говорить, институт котируется в зарубежных научных кругах все меньше. Нам очень трудно догонять иностранных коллег, ушедших вперед. Если в 30—40-е годы украинские биохимики могли более-менее успешно конкурировать с западными исследователями, то в 60-80-е годы вести подобное научное состязание было уже довольно трудно, а сейчас и вовсе невозможно. Поверьте, мы ничуть не глупее заграничных Коллег. Наши ученые не менее талантливы и подготовлены не хуже. Но исследователи не могут работать в вакууме, вариться в собственном соку. Доступ же к источникам информации у нас более чем ограничен. Институт не может даже выписать достаточного количества иностранной научной периодики. Я уж не говорю о зарубежных командировках (за счет института). Это сегодня воспринимается просто как фантастика. Однако самое главное - оборудование устарело на десятки лет. С приборами времен царя Гороха работать на современном уровне невозможно. В институте нет реактивов. Да и вообще легче, пожалуй, перечислить, что у нас есть. Сотрудники получают (да и то нерегулярно) совершенно нищенскую зарплату, на которую невозможно прожить.

— Как же выйти из создавшейся ситуации? Что делать, чтобы не отстать окончательно?

— По моему глубокому убеждению, пока отечественная экономика не встанет на ноги, наш единственный шанс — максимально развивать сотрудничество с зарубежными странами, участвуя в совместных исследованиях.

— Ваши мотивы ясны. Но какой интерес подобная кооперация представляет для них?

— Во-первых, у нас есть немало одаренных людей, ученых с оригинальными идеями. Во-вторых, в Украине заграничные коллеги могут получить биологический материал, которого нет у них, например, из чернобыльской зоны. Впрочем, они заинтересованы сотрудничать и в других областях. Скажем, в исследованиях злокачественных опухолей. Такие работы помогают бороться с раком. Дело в том, что в западных странах подобные опухоли и диагностируются, и удаляются столь рано (а вернее сказать, вовремя), что там такого специфического материала недостаточно. А ведь известно, что в процессе роста опухоли в ней появляются белки-маркеры, характерные для разных стадий развития болезни. И зарубежные специалисты могут найти у нас то, чего им не хватает

для исследований.

— Выходит, мы в данном случае играем роль подопытных кроликов?

— Ну, я бы так не сказал. К великому сожалению, этот эксперимент, ставится самой нашей медициной, вернее, ее бедами и ужасающей нищетой. Но дело, понятно, не только в этом. Сегодня в цивилизованных странах очень серьезно относятся к международному сотрудничеству. Сейчас появилась интересная и, на мой взгляд, чрезвычайно полезная для нас тенденция — украинским ученым, участвующим в совместных проектах, не нужно уезжать за границу. Они могут, получая гранты, работать дома. А результаты делятся между всеми соисполнителями пропорционально их вкладу (точнее сказать, вложенным средствам).

Мне кажется, сегодня один из самых перспективных путей сотрудничества с зарубежными учеными — создание совместных отделений международных институтов. Мы, к примеру, планируем открыть у себя отделения одного или двух. Выгода очевидна. Получив из-за границы необходимые средства, украинские исследователи смогут трудиться в своей стране, им не придется в поисках работы ездить по белому снегу. Таким образом, на основе Института биохимии можно будет создать своеобразные мини-институты международного сотрудничества. И все же не следует думать, что за границей живут одни альтруисты.

Просто там хорошо осведомлены о дешевизне и высоком качестве украинской научной рабочей силы и стараются ею воспользоваться.

— Насколько я понял, в Институте биохимии, несмотря на все трудности, фундаментальные исследования не прекращаются. Находят ли такие работы практическое применение в условиях, когда наш внутренний рынок только развивается, а выйти на международный — задача почти нереальная?

— Три отдела Института биохимии работают с белками крови. Здесь созданы уникальные технологии их получения. В том числе белков, которые могут быть использованы в качестве медицинских препаратов. Это, например, 8-й и 9-й факторы свертывания крови, необходимые для лечения больных гемофилией. К сожалению,

чрезвычайно перспективные исследования не востребованы. Мы не в состоянии убедить Минздрав, что такое лекарство нужно стране. То же самое можно сказать о разработке, касающейся диагностирования туберкулеза. А вообще за последние годы в институте создана целая серия оригинальных препаратов, до сих пор ожидающих внедрения. В их числе новое противоопухолевое лекарство, средства, помогающие бороться с алкоголизмом и наркоманией, препараты, дающие возможность регулировать свертывающую систему крови, а также предназначенные для диагностики дифтерии и коклюша, комплекс витаминов. Паша долгосрочная программа — создание новых лекарственных веществ и препаратов для диагностики, а также получение пищевых добавок для человека и животных. Однако все это можно делать лишь на основе фундаментальных исследований — изучая процессы, происходящие в живом организме.

— Допустим (конечно, чисто гипотетически), завтра начнется нормальное финансирование института. У вас есть заделы, которые позволили бы на каких-то направлениях выйти, ну, если не вперед, то хотя бы на уровень, достигнутый биохимиками западных стран?

— К счастью, есть. Но уже в недалеком будущем, если ничего не изменится, вполне может случиться, что наше отставание станет необратимым. Тогда все придется начинать заново. А ведь продолжать легче, чем стартовать почти с нулевой отметки. И средств на это понадобится куда меньше.

— Боюсь, что юбилей у вас будет, как поется в популярной песне, радостью со слезами на глазах.

— Тем не менее даже накануне торжеств я не имею морального права сказать: у нас все замечательно, нет никаких проблем. Их более чем достаточно. Впрочем, все наше беды до боли знакомы и другим научным учреждениям академии. Вы спросите, какой выход? Отвечу: первое и самое главное — государство обязано четко решить, что оно может выделить науке, какие направления исследований наиболее важны, что, вопреки всем невзгодам, следует сберечь и развивать.

— Но последнее, как мне кажется, должны определить сами ученые.

— Верно. Однако это процесс взаимный. Подобные проблемы решаются в режиме диалога. По прежде все-таки нам следует знать позицию государства. Давно пора выработать государственную политику развития науки в Украине. И не бросаться из одной крайности в другую. У нас все время пытаются изобрести паровоз. Да не простой, а именно украинский. А между тем придумывать ничего не нужно. Необходимо лишь воспользоваться мировым опытом.

Наши ученые в большинстве своем, как известно, бесребреники. Получая мизерную зарплату, люди все равно занимаются любимым делом. Наука для них не только форма мышления, а нечто большее - образ жизни. Журналисту, пишущему о науке, приходится довольно часто бывать в академических институтах. В коридорах многих из них в последнее время даже днем хоть шаром покати — тихо и пусто. А в Институте биохимии около восьми вечера в некоторых лабораториях еще горел свет. Что заставляет этих людей работать во внеурочное время? Высокие заработки, заманчивые перспективы? Увы, нет. Так все-таки что же? Вот три блиц-интервью.

Научный сотрудник отдела молекулярной иммунологии, кандидат биологических наук **Элла Золотарева**

:

— Задержалась, потому что нужно закончить все намеченное на сегодня. Какая у меня зарплата? Не извиняйтесь, вопрос совершенно нормальный. Но, честно говоря, я даже сразу не вспомню (здесь Элла Николаевна беспомощно развела руками и виновато улыбнулась)...

Заведующая лабораторией технологий биопрепаратов, кандидат биологических наук **Зоя Доценко**

:

— У нас очень интересная работа. Наверное, поэтому и не смотрю на часы. Мы создаем новые лекарственные средства. А потом изучаем механизм их действия. Например, мне удалось выделить из пантокрин (полученного из рогов северных оленей) несколько биологически очень активных соединений, обладающих совершенно различным действием. Одни повышают артериальное давление крови, другие, наоборот, понижают. А третьи оказывают влияние на мужские половые функции...

Денис Калибо, младший научный сотрудник отдела молекулярной иммунологии:

— Работаю над тест-системой для диагностики дифтерии. Сейчас в больницах в таких случаях просто делают бактериальный посев. Но тест-система более чувствительна и позволяет выявлять многие нюансы, связанные с течением и прогнозом болезни. Кроме того, она значительно уменьшает продолжительность анализа. Почему не ушел из института в положенное время? Наверное, потому, что, работая в нашей лаборатории, чувствуешь свою причастность к настоящей науке.